

Э. М. ЗАГОРУЛЬСКИЙ

В ПОИСКАХ СЛАВЯНСКОЙ ПРАРОДИНЫ

Проблема этногенеза славян и их наиболее ранних археологических памятников сложна и запутанна. Это обусловлено как характером самих источников, так и различным пониманием хода этногенеза.

Письменные источники о ранних славянах настолько скупы и противоречивы, что извлечь из них удовлетворяющую нас информацию просто невозможно. Процесс рождения славян как нового этноса лежал в более отдаленных исторических пластах.

Начало научному изучению славянского этногенеза положила лингвистика. Именно она предложила ряд концепций о времени и месте возникновения славян. Археология вывела исследование истории славян на новый виток. Но и сейчас, несмотря на бурное развитие археологии и антропологии, очевидно, что эти проблемы не могут решаться автономно, средствами только одних лингвистических, археологических или антропологических источников.

Лингвистика по-прежнему определяет направление поисков ответов на различные вопросы славянского этногенеза. И, поскольку историкам, археологам и антропологам приходится иметь дело с мозаикой различных лингвистических гипотез, следует коротко охарактеризовать их.

Славяне — это одна из ветвей индоевропейской семьи народов. Современные славяне, насчитывающие теперь свыше 300 млн человек, есть результат длительного развития славянского этноса, дифференциации некогда существовавшей ранне-славянской общности, которую в научной литературе называют ранними славянами, праславянами или протославянами.

Но и сами праславяне стали результатом разделения некогда существовавшей более древней общности, которую принято называть северной группой индоевропейцев. Из нее, кроме славян, вышли также германцы и балты. Такова общая схема развития славянского этноса, принятая большей частью лингвистов.

Касаясь теоретических аспектов славянского этногенеза, исследователи, в общем, согласны с тем, что славяне, как и балты и германцы, всего вероятней, сформировались в результате воздействия на северных индоевропейцев этнического субстрата в процессе их миксации с местным неолитическим населением. Миксация привела к глубокой трансформации обоих компонентов, из которых формировались славяне. Лингвисты полагают, что разделение северной группы индоевропейцев началось вскоре после их расселения в Европе [1, 7, 57].

Но механизм разделения пришлых индоевропейцев и образования указанных народов объяснялся по-разному. Между тем изучение проблемы происхождения и

ранней истории славян во многом зависит от того, какая лингвистическая схема образования славян будет принята.

Лингвисты предлагают несколько гипотез, которые можно свести к трем основным схемам.

Одни считают, что северные индоевропейцы сразу же распались на три основные группы — германцев, славян и балтов и, следовательно, начало формирования этих народов может быть отнесено ко времени, когда эта часть индоевропейцев расселилась в Европе и начала смешиваться с местными племенами. Поскольку расселение в Европе северной группы индоевропейцев по данным археологии датируется приблизительно серединой III тыс. до н. э. [2], то, в соответствии с такой схемой развития этногенетических процессов, германцы, славяне и балты возникают в одно время (III тыс. до н. э.) и в результате сходных этнообразующих процессов. В пользу такого представления свидетельствуют многие лингвистические данные, и эта гипотеза имеет сторонников среди выдающихся языковедов.

Другие исследователи предполагают, что северная группа индоевропейцев сначала разделилась на две части — на германцев и некую лингвистическую общность, которая позже в результате вторичного деления дала балтов и славян. Эту промежуточную общность называли балто-славянской. Согласно этой схеме, славяне, как и балты, являются более молодыми народами, чем германцы, и их начало уже связано с распадом балто-славянской общности. Поэтому и археологические памятники первых славян следует искать в более поздних древностях.

Основным аргументом такого представления послужили наблюдения над степенью близости между собой германских, славянских и балтских языков. Многие сходились на том, что балтские и славянские языки по некоторым лингвистическим показателям стоят ближе друг к другу, чем к германским. Это обстоятельство объяснялось происхождением славянского и балтского языков от общего «балто-славянского» корня. Эта идея была очень популярна и даже господствовала в лингвистической и археологической науках до середины 1950-х гг.

Однако никто из лингвистов так и не определил черты этой общности. Предпринимались попытки составить словарь балто-славянского языка, выделить область с балто-славянской гидронимикой. Но это не имело успеха. Поэтому с самого начала идея балто-славян вызвала решительные возражения со стороны многих крупных лингвистов. Она никогда не имела всеобщего признания. Решительный удар по ней нанесли сравнительно недавние как лингвистические, так и археологические исследования. Так, очень убедительные материалы были получены по истории древних балтских племен. Х. Моора привел серию доказательств в пользу очень раннего выделения балтов из древних индоевропейцев. Среднеднепровская и фатьяновская культуры III тыс. до н. э. уже могут быть отождествлены с древними балтами [3]. Балты никак не выглядят более молодым этносом по сравнению с германцами, и уже не остается той хронологической ниши, куда можно было бы поместить балто-славян.

Сравнительно недавно была предложена еще одна схема истоков славянского этногенеза. Предполагается, что северная группа индоевропейцев первоначально распалась на германцев и балтов. Позже на базе одной из западнобалтских групп сформировались славяне. Из такого представления следует, что славяне не восходят непосредственно к древним индоевропейцам, а возникают позже, уже из балтов. Выходит, что и по этой схеме славяне более молодой этнос, нежели германцы

и даже балты. Относительная молодость славянского языка доказывалась тем, что балтские языки, локализованные на сравнительно небольшом по сравнению со славянскими пространстве, отличаются очень значительной диалектной дифференцированностью. Степень диалектной дифференцированности во многом зависит от древности языка. Чем он древнее, тем более развит в диалектном отношении. Отмечалось также, что при реконструкции славянские диалекты оказываются более молодыми, чем балтские [11, 37—39; 4].

Формально, абстрагируясь от истории развития славянского и балтского этносов, подобная гипотеза имеет право на существование, но как одно из возможных объяснений изложенных выше лингвистических наблюдений. Однако степень диалектной расчлененности зависит не только от времени функционирования языка, но и в значительной степени от характера взаимодействий его с другими языками. Например, тот же результат с диалектами может получиться, если допустить, что балты начали свое расселение из прародины и смешение с другими этносами раньше, чем славяне. Литовский языковед В. Мажюлис прямо писал, что появление диалектов в балтском языке началось вместе с расселением балтских племен, которое он считал возможным относить к III тыс. до н. э. [5].

Неубедительными выглядят посылки, что славяне всегда занимали большую, чем балты, территорию. Это нужно еще доказать. Уже бесспорным является тот факт, что в древности балты занимали территорию, многократно превосходившую территорию современных балтских народов. О чем свидетельствуют гидронимика и археология [6, 81—84].

Короче говоря, без учета исторического прошлого славян и балтов предложенный вывод выглядит, как абстракция и не может быть принят. Попытки В. Седова найти этой лингвистической идеи археологические соответствия не кажутся нам убедительными [7].

Важно заметить, что лингвистика дает достаточно материала, свидетельствующего о большой древности славянских языков. По мнению авторитетнейших славистов, общеславянский язык непосредственно выходит из древнего индоевропейского. Сумма слов и понятий, относящихся к экономике, орудиям труда, свидетельствует о функционировании общеславянского языка в период перехода славян от каменных орудий к металлическим и развития производящих форм хозяйства [8, 101; 9, 73]. Славяне возникли уже в тот период, когда небольшая семья еще не стала основной хозяйственной и общественной ячейкой [10, 24]. Все это уводит нас к концу неолита — началу бронзового века, и у нас нет достаточных оснований омолаживать славян при сравнении их с балтами и германцами. Невозможно объяснить, почему при равных условиях смешения древних индоевропейцев с местными племенами, что просматривается во всех областях, куда проникли северные индоевропейцы, формируются балты и германцы, а славянский этногенез неизвестно по каким причинам задержался.

Именно поэтому наиболее предпочтительной, логичной и не имеющей серьезных контраргументов представляется схема, по которой распад северной группы индоевропейцев сопровождался одновременным формированием в разных местах и на разных этнических субстратах германцев, балтов и славян.

Где же проходил процесс рождения славянского этноса, где была прародина славян?

Данные о языковых контактах ранних славян с другими народами позволяют прийти к таким общим заключениям о месте древней славянской прародины.

Длительность и интенсивность лингвистических контактов славян с балтами, сходство их языковых структур и параллельность в развитии с несомненностью указывают на территориальное соседство этих двух народов. Оно имело место в условиях индоевропейской периферии в стороне от основных культурных центров древнего мира [11].

Однако славяне не могли быть ни северными, ни восточными соседями балтов, ибо, в отличие от последних, ранние славяне, как свидетельствует лингвистика, не контактировали с древними финно-угорскими племенами. Материалы сравнительного языкознания говорят о том, что славяне вступили с ними в контакт. В финно-угорских языках не обнаруживается лексических заимствований из общеславянского. С другой стороны, и в славянских языках отсутствуют старофинские заимствования. Следовательно, славяне вступили в контакт с финно-уграми уже после того, как произошёл распад общеславянского языка, то есть позже середины I тыс. н. э. Праславяне и их родина были отделены от финно-угорского ареала балтским заслоном.

Обнаружение очень древних балто-иранских языковых контактов ставит под сомнение возможность помещать праславян и к югу от балтского ареала [12, 19—20]. Отмечаются также языковые контакты балтов с фракийцами, которые были возможны на юго-западных границах балтов [13, 120—121].

Если же обратиться к археологической карте второй половины III и II тыс. до н. э., то вполне определенно следует исключить из списка возможных праславян таких южных соседей древних балтов, как племена позднего этапа древнеямной культуры, катакомбной и срубной, типичных степных культур, ибо лингвистика не допускает локализации славянской прародины в степях [14].

Получается, что единственным местом маргинальных контактов праславян и древних балтов могла быть только западная сторона балтского мира, и славянскую прародину следует искать к западу от балтов.

Южными соседями праславян, судя по лингвистическим данным, были фракийцы и иллирийцы. Свидетельства древних контактов носителей славянских и иллирийских диалектов фиксируются, в частности, в славянской и иллирийской гончарной терминологии, которая имеет явные черты сходства [14, 197—200].

Наличие древних славяно-германских лингвистических контактов [16] указывает на то, что праславяне соседствовали и с древними германцами, занимавшими Ютландский полуостров и Южную Скандинавию.

Таким образом, данные о древних языковых контактах праславян с другими народами указывают на место славянской прародины в средневропейском ареале. Об этом же свидетельствует и анализ общеславянской географической и зооботанической лексики, отражающей среду обитания славян периода их языкового единства. Эта среда реконструируется как лесная полоса со смешанной растительностью умеренной климатической зоны, богатая озерами и болотами [17].

В свете изложенного, первоначальную область славян и оставленную ими первую археологическую культуру целесообразно искать на пространстве между ареалами древних германцев, балтов и фракийцев, то есть северней Карпат, в межустье Эльбы и Вислы.

Эта идея имеет хорошее лингвистическое обоснование [18], ее принимают многие археологи. Именно здесь искал древнейшие славянские памятники польский

археолог Ю. Костшевский. Лужицкую культуру бронзового и раннего железного веков (XIV—V) он определял в качестве первой славянской культуры. Его идеи имели и имеют много сторонников (Л. Козловский, К. Ягджевский) [19]. С первыми славянами пытались связывать и еще более раннюю тшинецкую культуру первой половины II тыс. до н. э. (С. Носек, А. Гардавский) [20].

Нам представляется, что эти культуры действительно принадлежали праславянам, но ни лужицкая, ни тшинецкая не были первыми славянскими культурами, поскольку, как мы показали, историю славян следует начинать с III тыс. до н. э.

Первая славянская культура должна удовлетворять следующим требованиям.

1. Ее ареал должен охватывать междуречье Эльбы и Вислы.
2. Время ее существования должно приходиться на середину — вторую половину III тыс. до н. э.
3. Она должна располагаться в зоне расселения северной группы индоевропейцев.
4. Обнаруживать генетическую связь с культурой первых индоевропейских мигрантов в том регионе.
5. Отражать процесс этнического смешения мигрантов-индоевропейцев с местным неолитическим населением Средней Европы [21].

Всем этим условиям отвечает только культура шаровидных амфор. В качестве самостоятельной культуры она была выделена немецким археологом А. Гетце в 1900 г., хотя памятники ее были известны еще в XIX в. Вопрос о ее происхождении, а также этническая интерпретация ее носителей вызвали целую серию различных гипотез и предположений. Великой загадкой европейского неолита назвал культуру шведский археолог И. Форссандер. Ее возникновение в течение многих лет казалось археологам «в высшей степени загадочным» [22, 150]. Ареалы культуры охватывали обширные пространства Европы — почти полностью бассейны Эльбы, Одера, Вислы, Украинскую Волинь, средний Неман и верховья Припяти, а также частично бассейны Днестра, Прута и Серета. Несмотря на большую территорию распространения, происходившие в ней изменения даже в довольно удаленных друг от друга районах имели идентичный характер [23, 179]. По всей этой обширной зоне распространялись одинаковые формы керамики, представленные шаровидными амфорами, имеющими по две или четыре ручки, с легким орнаментом по шейке и плечу сосуда. Имеются и неорнаментированные амфоры с четырьмя ручками. Были распространены также кубки; вазы с четырьмя ручками; конические кубки; большие сосуды с достаточно выраженными шейками.

Орнаментальные мотивы отличаются суровой простотой и представляют обычно ряды горизонтальных полос.

Украшения на сосудах нанесены штампом и типичными для посуды индоевропейцев отпечатками шнура. Встречается также нарезной орнамент.

Изделия из камня представлены одинаковыми типами пластинчатых резцов и каменных топоров, которые, несмотря на внушительные размеры территории культуры, отличаются только разновидностью кремня, из которого они изготовлялись.

В погребальных обрядах заметны вариации. Преобладает обряд захоронения в каменных ящиках, устроенных в грунтовых могилах или под курганами. Только на Эльбе был распространен обряд захоронения в ямах. Кости чаще вытянуты, но встречаются и скорченные, посыпанные минеральной краской охрой.

Вместе с покойником в могилу клали шаровидные и плоскодонные амфоры, от одного до трех плоских топоров или долот. Почти в каждой могиле обнаружива-

ются кости домашних животных — главным образом, нижние челюсти свиней. Большой интерес представляют ритуальные захоронения крупного рогатого скота, встречающиеся и на территории поселений.

Поселения известны двух типов: долговременные, состоящие из 2—3 построек сложной конструкции, и небольшие сезонные, устраивавшиеся на песчаных дюнах.

По данным антропологических исследований, носители культуры шаровидных амфор принадлежали к долихокравному с некоторой тенденцией к мезоцефалии типу. Они имели высокий рост, удлинённую голову и узкое лицо, узкий нос, массивный подбородок [24, 157]. Они относились к тому же антропологическому типу, что и носители ямной культуры южных степных районов Юго-Восточной Европы, а также более поздние европейские племена культуры шнуrowой керамики, составляя вместе с ними один антропологический массив.

Особый интерес для установления этнического характера культуры шаровидных амфор представляют те элементы, которые указывают на рождение нового этноса в ареале славянской прародины и соответствуют времени появления славян. Это, прежде всего, гибридный характер культуры шаровидных амфор, обязанный интенсивному смешению старого и нового населения. Ее субстратом стала местная неолитическая культура воронковидных кубков, известная здесь еще с середины IV тыс. до н. э. Генетическая связь с ней культуры шаровидных амфор настолько очевидна, что многие археологи рассматривали и еще теперь продолжают рассматривать последнюю в качестве прямой преемницы культуры воронковидных кубков, как результат простой эволюции одной культуры в другую [25, 276]. Однако эта точка зрения не может быть принята, ибо она не объясняет происхождения тех особенностей в культуре шаровидных амфор, которых не было в предшествующей культуре и которые не могли развиться спонтанно. Своим появлением они, бесспорно, были обязаны приходом в эту область совершенно нового в культурном, этническом и даже антропологическом плане населения.

Прежде всего, в ней очень сильно выражен индоевропейский тип культуры. Это встречающиеся курганные погребения, скорченные и посыпанные охрой костяки, шнуrowой орнамент в керамике, ритуальные захоронения крупного рогатого скота. Наконец, южный антропологический тип самих носителей культуры. Только на местной основе такие черты развиться не могли. Несомненно, эти элементы были привнесены расселением нового населения. Важно подчеркнуть, что это одно из самых ранних свидетельств миграции сюда нового населения с ярко обозначенной индоевропейской культурой.

Вместе с тем, культуру шаровидных амфор нельзя рассматривать как только культуру мигрантов. Она впитала в себя и многие особенности местной неолитической культуры воронковидных кубков: бескурганные грунтовые могилы, вытянутые труположения на спине, амфоровидные сосуды с ушками, орнаменты, нанесенные штампом; значительная роль в хозяйстве свиноводства. Все это указывает на гибридный, смешанный характер культуры шаровидных амфор, на участие в ее формировании разных этнических групп.

Важно еще раз подчеркнуть, что это первое надежное свидетельство не только индоевропейской миграции в указанный регион и не только начавшейся миксации мигрантов с местным населением, но уже — результат этой миксации, оформление новой культуры, принадлежащей уже смешанному населению. А это одно из важнейших и необходимых условий возникновения нового этноса.

Хронологические рамки культуры шаровидных амфор — вторая половина III тыс. до н. э. — полностью соответствуют тому историческому периоду, в котором протекало рождение славянского этноса.

Таким образом, 1) ареал культуры шаровидных амфор, 2) время ее формирования и функционирования, 3) явные признаки смешения в ней разных культур и их носителей, среди которых были как представители местного неолитического населения, так и индоевропейские мигранты, и 4) то обстоятельство, что она выступает как первая гибридная культура этих двух этносов — все это позволяет предположить, что именно носителей культуры шаровидных амфор следует отождествлять с первыми славянами. Местные неолитические племена культуры воронковидных кубков, очевидно, и стали тем этническим субстратом, который определил в дальнейшем культурное и языковое развитие нового этнического образования в славянском направлении.

Нужно заметить, что в пределах рассматриваемого региона, начиная с середины III тыс. до н. э., (когда сформировалась культура шаровидных амфор) наблюдается вполне естественная смена археологических культур. Однако почти каждая новая обнаруживает заметные черты преемственности со своей предшественницей, что может рассматриваться в качестве доказательства участия предшествующего этноса в формировании новых последующих культур. Так, культура шаровидных амфор ко II тыс. до н. э. уступила свое место предлужицкой и тшинечкой. В середине — второй половине II тыс. до н. э. на базе названных культур развивается лужицкая (XIV—V вв. до н. э.). На заключительном этапе своего существования она испытала известное воздействие со стороны поморской культуры, но, скорее всего, смогла сохранить свой этнос, поскольку в последующее время на этой же территории разовьется пшеворская культура железного века, а к V—VI вв. — пражская, в славянском характере которой никто не сомневается.

Занимая с самого начала значительную территорию, культура шаровидных амфор обнаруживает тенденцию к расширению. На западе ее памятники появляются между Эльбой и Рейном. На востоке и юго-востоке — на Немане, Верховьях Днепра и Прута, в Украинской Подолнии.

Однако расширение славянской области наблюдалось только на ранней стадии истории этого народа. Уже в начале II тыс. до н. э. территория славянской прародины стала систематически сокращаться. Начало было положено движением балтских племен из области среднего Поднепровья на север, в верхнее Поднепровье и на запад в Висло-Неманское междуречье. В результате миграции балтских племен значительная часть начальной территории славян оказалась занятой балтами, которые, судя по всему, смогли ассимилировать местное славянское население. Территория балтов стала намного больше славянской. Балты ассимилировали не только часть славян, но и неоднородного населения Верхнего Поднепровья и верховьев Оки и Волги. Это и объясняет, почему в балтских языках раньше и в большей мере, чем у славян, развились диалекты.

В начале II тыс. началось продвижение германских племен на восток вдоль южного побережья Балтийского моря (ясторфская культура). Они вошли здесь в соприкосновение с балтами, отделив тем самым славян от моря. В результате славяне утратили часть своих земель на севере и западе. На относительно компактной территории славяне обитали до середины I тыс. до н. э., когда началась их великая миграция за пределами прародины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горнунг Б. В. К дискуссии о балто-славянском языковом и этническом единстве. Вопросы этнографии. М., 1958.
2. Homer L. Thomas. New Evidence for Dating the Indo-European Dispersal in Europe. In: Indo-European and Ind-Europeans. Papers Presented at the Third Indo-European Conference at the University of Pennsylvania. University of Pennsylvania Press. Philadelphia, 1970. Mallory J. P. In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. Thames and Hudson. 1999.
3. Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен / Советская археология. 1958, № 2.
4. Мартынов В. В. Этногенез славян в свете новых лингвистических данных. Вопросы этнографии Белоруссии, 87. Мн., 1964.
5. Мажалиш В. Лингвистические заметки к балтийскому этногенезу. М., 1964.
6. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1970; Mallory J. P. Указ. соч. С. 81—84.
7. Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
8. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.
9. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. М.; Л.
10. Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л., 1978.
11. Иванов В. В., Топоров В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтских и славянских языков. М., 1958.
12. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений. Этимология. М., 1967.
13. Широков О. С. Албано-балтийские этногенетические связи (по данным сравнительно-исторического языкознания). Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов. Вильнюс. 1981.
14. Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.
15. Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
16. Мартынов В. В. Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одрской прародине славян. Мн., 1963.
17. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
18. Мартынов В. В. Лингвистические методы обоснования гипотезы о висло-одрской прародине славян. Мн., 1964.
19. Kostrzewski J. Prasłowianszczyzna. // Biblioteka słowianska. Ser. 1, Nr.2. Warszawa, 1935; Idem. Prasłowianszczyzna. Zarys dziejów i kultury Prasłowian, Poznań, 1946. Jażdżewski K. Etnogeneza Słowian // Słownik starożytności Słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1970.
20. Gardawski A. Tribes of the Trzciniec Culture in Poland // Materiały starożytne. T. 5. Warszawa, 1959.
21. Загорюльский Э. М. О начальном этапе формирования славян // Вестник БГУ, 1975. № 2; Загорюльский Э. М. Древняя история Белоруссии. Очерк этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Мн., 1977; Загорюльский Э. М. Проверка одной из гипотез начала славян // Вестник БГУ, 1993. № 3.
22. Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge-Mass, 1956.
23. Wislanski T. The Globular Amphora Cultura. In Neolithos in Poland. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1970.
24. Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe.
25. Wislanski T. The Globular Amphora Cultura.